

из ее сильных сторон — умение проникнуть в подсознание. Однако в ней не часто звучит обнадеживающая уверенность, способная поддержать разувверившихся во всем одиночек.

АЛЕН БОСКЕ
г. Париж

БЭББИТ ОБРАЗЦА 1980 ГОДА

John Updike. Rabbit is Rich. New York, Alfred Knopf. 1981.

Джон Апдайк. Кролик разбогател. 1981.

Мне неизвестно, заканчивает ли Апдайк этим романом трилогию о Гарри Энгстроме или намеревается продолжить цикл. Если верно первое, то «Кролик разбогател» представляет собой такое достойное завершение работы, какого не обещали ни предыдущие романы трилогии, ни вообще произведения писателя последних лет, отмеченные спадом художественной энергии и склонности к беллетризации. Если же цикл будет продолжен, то очередную книгу о Кролике надо ожидать через десять лет. Воссоздавая жизнь своего современника и соотечественника, автор точно следует хронологии текущей истории своей страны по десятилетиям: действие романа «Кролик, беги» (1960), известного советскому читателю, относится к пятидесятым, а «Кролик возвратился» (1971) несет отчетливые черты бурных шестидесятых.

Так или иначе, теперь уже очевидно, что повествование о Гарри Энгстроме — главная книга Апдайка, зоркого быто- и правописателя сегодняшней Америки, несмотря на некоторую непоследовательность творческих установок, а «Кролик разбогател» — вообще лучшее, может быть, после «Кентавра» произведение художника, изданное им в канун своего пятидесятилетия (март 1982). Внешнее тому свидетельство — присуждение роману трех литературных премий.

Как и в предыдущих вещах о Кролике, действие романа разворачивается в вымышленном городе Брюер, штат Пенсильвания, и охватывает полгода, с лета 1979-го до начала января 1980-го. Рассказ о частной жизни Гарри Энгстрома, пожалуй, крепче, чем в других произведениях Апдайка, «привязан» к месту и времени. Город с его топографией, атмосферой, переменами в физическом облике и ритме жизни, происшедшими с той поры, когда Кролик был молод, — полноправный герой повествования; временами даже кажется, будто Брюер — более живое существо, чем люди, его населяющие.

Кролик, сын рабочего и сам начинавший с незаметной службы, вошел в средний возраст и выбился в средний класс. Вот уже пятый год после смерти тестя он управляет оставленной тем небольшой фирмой по продаже легковых автомобилей (годовой оборот фирмы — триста машин, годовой оклад управляющего — 50 тысяч долларов). В семье три машины и коттедж за городом. Энгстром обзавелся приличными

знакомствами, вступил в клуб «Парящий орел» и вообще мило проводит время в обществе приятных людей. Конечно, недавно созданный «Парящий орел» еще не «Загородный клуб Брюера», куда всю жизнь стремился попасть и не попал старик Спрингер, и тем более не «Талпехокен», где собираются крупные заводчики и их адвокаты, но заведение тоже вполне почтенное — годовой взнос как-никак 650 долларов.

На Новый год осуществится заветная мечта Энгстрома: он купит себе дом в богатом квартале. Кролик никогда не жил в доме под таким малым номером. Рос он на заброшенной Джексон-роуд, № 303. Адрес матушки Спрингер — улица Джозефа, 89. Теперь он будет жить на Франклин-Драйв, № 14^{1/2}.

«Цифра не обманет, но и промаха не простит», — наставляет Энгстром-старший сына Нельсона. Однако те же цифры порой выкидывают неожиданные шутки. Отдав за дом 78 тысяч (15 600 наличными), Кролик вдруг в панике соображает: с процентами за рассрочку ему придется выплачивать 700 долларов в месяц, и так на протяжении двадцати лет, пока ему не стукнет 66. Цифры завораживают и пугают Кролика. Но он же разбогател, черт побери, работяге отцу такое и не снилось!

Энгстром пока не играет на бирже, но надо быть последним идиотом, чтобы не поживиться на скачках цен. По совету знающих людей он покупает тридцать золотых монет. Эпизод, в котором они с женой занимаются любовью на постели, усеянной блестящими кружками, а потом Кролик, ползая на коленях, судорожно ищет запропастившуюся монету — один из самых выразительных в книге. Через три месяца конъюнктура на рынке драгоценных металлов меняется, он продает золото, получив, считай, задаром три «куска» чистого барыша и тут же пускает их в дело — покупает кучу серебряных монет.

Цифры, количества, цены, разряды — важный компонент поэтики романа и столь же важное средство характеристики героя. Кролик постоянно что-то прикидывает, подсчитывает, планирует — как выгоднее продать новую партию машин, сколько платить сыну, потому что тот хочет приобщиться к семейному предприятию, во что обойдется покупка того-то и того-то. Единственное его чтение — журнал «Потребительские товары». Именно из этого издания черпает он новости и мнения, да еще из телевизионного ящика, перед которым он просиживает «один вместе с миллионами других олухов», и из разговоров с друзьями по клубу. Под маской преуспевающего жизнелюба скрываются инфантильность, вялый эгоцентризм, нетерпимость к другим, трусость, угасающие силы.

Не мудрено, что Энгстром по-обывательски держится самых распространенных, стандартных и вполне консервативных взглядов на экономику, политику, расовые проблемы, молодежь, мораль. Он верит рассказам о событиях в Афганистане и разделяет мнение приятеля Бадди Ингфингера о том, что хорошо бы шмякнуть в арабов ядерную бомбочку, чтобы нос не задирали, и отнять у них нефть. Кролик

даже не ворчит на благоглупости Картера и не винит в энергетическом кризисе нефтяные корпорации, как это делают многие.

Разве что в области половых отношений Кролик идет, что называется, «впереди остальных». Впрочем, не он один, как показывает эпизод на каком-то карибском острове — курорте, когда три дружеские супружеские пары, устроившие себе новогодние каникулы под тропическим солнцем и вконец обалдевшие от ничегонеделанья и выпивок, меняются на ночь партнерами. Самый старший и богатый в этой теплой компании строительный подрядчик Уэбб Маркетт подводит под развлечение этическую базу: «Тайные амуры — вот что разрушает семьи, когда люди ударяются в романтику».

Любовное неистовство, разливающееся по страницам романа, вызвано то ли требованиями книжного рынка в Штатах, то ли характером героя, чьи психосексуальные переживания призваны восполнять пустоту его существования, то ли другими причинами, коренящимися в миропонимании самого Апдайка.

Как бы то ни было, Гарри Энгстром — не просто женолюб, он помешан на сексе. Любая молодая женщина вызывает в нем приступ желаний, в каждой он видит только «прелести», только тело, только «механизм для любви», если воспользоваться названием известного романа Жаклин Сьюзен. Главный предмет его вождлений — роскошная тридцатилетняя блондинка Синди, жена Уэбба Маркетта. Ее соблазнительный образ преследует беднягу буквально днем и ночью. Но поскольку добыча никак не дается в руки, то вся повышенная, мягко выражаясь, половая потребность Кролика изливается в эротические фантазии, в то, что американцы называют «сексом в голове», или же, на худой случай, в механические ритуалы супружеской любви.

Нет, романтика никак не грозит ни друзьям Кролика, ни ему самому, если не считать за романтику его сентиментально-ностальгические воспоминания о прошлых любовных и спортивных победах. Короткие, как вспышки, мысленные отлеты Энгстрома в минувшие годы насыщены подробностями из предыдущей истории апдайковского героя.

Словом, Кролик разбогател, глубоко проникся психологией предпринимательства, потребительства и престижности, сделался образцовым «сто процентным американцем», сегодняшним Бэббитом. Автор прямо указывает на это, вынеся в эпиграф цитату из достопамятной речи льюисовского Джорджа Ф. Бэббита об «Идеальном Гражданине».

Апдайк отчасти перенял у Синклера Льюиса и творчески преобразил в соответствии с эпохой не только тип героя, но и неторопливую, обстоятельную «предмодернистскую», как писала критика, то есть классико-реалистическую манеру письма и доскональность деталей, которые благодаря пластичности апдайковского слога сами становятся фактом искусства. Существенное отличие прозы современного художника от раннего мастера состоит в большей авторской сопричастности судьбам героя. В рассказе мы то и дело слышим голос

самого Кролика. Это не традиционное, жестко зафиксированное «я»-повествование и не центробежная внутренняя исповедь героя, почитающаяся иногда за новацию, а гибкое, переменчивое труднорасчлененное единство объективного и субъективного письма, которое пронизано нитями комизма разной выделки: добродушного юмора, тонкой, иногда язвительной иронии, горького сарказма, вплотную подходящего к грани, за которой начинается обличение и бичевание, но никогда не переходящего ее. Сатира с ее преувеличениями, гротеском, смещением реальных форм чужда Апдайку. Кролик — вполне живой многосторонний характер, тем более что писатель снял с него покровы святости, мифологичности и устранил библейские аллюзии, которые, признаться, порядком раздражали в предыдущих книгах цикла.

Кое-где, особенно к финалу, сопричастность переходит в некоторую сентиментальность, благость. Но ведь и великие реалисты прошлого, особенно английские, грешили такой же чувствительностью.

Несмотря на то что Кролик в целом доволен жизнью, им все же овладевает иногда смутное беспокойство. Он нет-нет да и убегает в своей «Короне» за город подальше от надоевших домашних и друзей, убегает, чтобы посмотреть издали на дом, где живет его давняя возлюбленная. Собственно, он ездит в Алмазное графство не из-за Рут, а из-за ее дочери, ладной красивой девицы, которая вполне может оказаться его дочерью и к которой он испытывает издали полуродительское, полулюбовное чувство. Дорожки на площадке для гольфа кажутся Кролику «какими-то скатами в никуда, у него появляется чувство, будто он должен находиться где-то в другом месте». Именно в такие моменты его чаще всего и посещают невеселые мысли о безостановочности времени и о смерти — своей и других людей.

Размышления над бренностью бытия, иногда мимолетные, хаотичные, иногда выливающиеся в глубокие наблюдения и меткие афоризмы («Жизнь. Чего в ней только нет, а все мало. Страшно, что она когда-нибудь кончится, и страшно, что завтра будет таким же, как вчера»), естественно, придают роману философскую объемность, однако, честно говоря, плохо вяжутся с обликом Кролика. Можно, конечно, допустить, что Апдайк разыгрывает распространенный мотив «смерти в жизни», или сказать, что мысли об общем смертном уделе как бы уравнивают Кролика с другими, придают ему в его собственных глазах некую интеллектуальную значительность. И все же. Можно отчасти присоединиться к мнению рецензента «Таймс литерари сапплемент»: «...неволью чувствуешь неуместность этого поэтического великолепия, которое трагит на людей, погрязших в алчности и потребительстве».

Кролику достаточно земных забот.

Его ощущение неустойчивости, непрочности, несвободы проистекает из того простого факта, что он не хозяин ни в доме, ни в деле. В качестве мужа дочери покойного Спрингера он владеет лишь четвертью предприятия, тогда как половину контролирует Бесси Спрингер. При решении лю-

бой житейской или коммерческой задачи жена и теща объединяются, прямо давая Энгстрому понять, что он экономически зависим от них, и вообще держат его под каблуком.

Множество хлопот причиняет Энгстрому сын. Мало того, что он бросил занятия, обрюхатил какую-то девицу и сбежал из университета с другой, Кролику придется еще тратиться на брачную церемонию и угощение гостям, и вдобавок ко всему в доме появился чужой человек, тоже в тягость. Парню двадцать три, а он даже не знает, чего хочет в жизни, полон каких-то бредовых идей, и это злит Кролика. «Которым нет тридцати просто не желают работать. Удобства им подавай и дополнительную оплату. Новые правила все, мягкотелость, социализм». Впрочем, непутевый и незадачливый Нельсон не принадлежит к искателям и бунтарям, и, скорее всего, пойдет по отцовским стопам.

«Горючее кончается, — думает Кролик Энгстром, стоя в демонстрационном зале фирмы «Автомобили Спрингера» и глядя в окно с запыленными по-летнему стеклами на поредевшую и вроде бы робкую вереницу машин, катящих по дороге № 111, — у сволочного мира кончается горючее... Люди как с ума посходили, чувят, что оставливается великое американское движение...» Так начинается Апдайк роман. Нехватка, иссякание «горючего», энергии, жизненности — это развернутая метафора самого Кролика и Америки конца 70-х годов, и «от нового десятилетия уже тянет затхлостью».

За исключением «Осеннего света» Гарднера — произведения, созданного писателем, который ставил совсем иные эτικο-художественные цели, — пожалуй, трудно назвать другую книгу американского прозаика, которая, пусть не очень масштабно, но так предметно и красочно изображала бы современное американское общество, как новая книга Апдайка. Речь, повторяю, идет не о внешних приметах — роман буквально дышит воздухом времени. Инфляция, риторика Картера, арабская нефть, очереди на бензоколонках, объявление бойкота Московской Олимпиаде, конформизм, лихорадка накопительства, снобистское «ячество», утечка из реактора на Три-майлз Айленд, заложники в Иране...

В итоге частная история недалекого, трусоватого и самодовольного Кролика Энгстрорма, несколько не теряя в художественности, приобретает качество историко-социологического документа, свидетельствующего об идейном, духовном и моральном оскудении некогда мощного мещанского слоя населения США.

Г. ЗЛОБИН

У ДОСКИ БЕЗ МЕЛА

Marthe B. Hogue. C'était dimanche. Roman social québécois. Québec, Éditions Naaman, 1979.

Марта Б.-Ог. Это было в воскресенье. Социальный квебекский роман. 1979.

Если пересказать содержание романа канадской писательницы Марты Б.-Ог «Это было в вос-

ресенье», то у читателя может сложиться об этом произведении ложное впечатление. Произойдет это потому, что сюжет книги, который несомненно завладеет вниманием при таком пересказе, будет воспринят как повествовательная канва, в то время как в действительности он играет роль своеобразного обрамления, — в данном случае «траурной рамки», необходимой для того, чтобы мы отчетливо представили себе, какие общественные проблемы волнуют автора.

Судьба героя, начиная от обстоятельств его рождения и кончая его трагическим финалом, являет собой своего рода «исключение», но эта исключительность проливает свет на некоторые укоренившиеся правила.

До последнего дня своей жизни Марк Рэйнбоу, ученик выпускного класса одной из квебекских школ, полагал, что он сын весьма состоятельного бизнесмена. Юноше известно также, что его рано скончавшаяся мать оставила ему большое наследство, в обладание которым он должен вступить со временем.

У Марка блестящие способности. Он — любимец всех учителей своего лица. С отцом, у которого вечные дела и разъезды, юноша видится редко. Отсутствие Рэйнбоу-старшего щедро компенсируется «материальным комфортом», которым тот окружает сына.

Все это благополучие в один прекрасный день рухнет, как картонный домик. Марк узнает от опекающей его женщины, «тети Клары», что в действительности он ее сын, а его отец Рэйнбоу — гангстер и аферист, женившийся на богатой наследнице, вскоре скончавшейся и не имевшей детей. По брачному контракту ее наследство могли получить только дети, а не муж. Рэйнбоу по подложным документам выдает Марка за своего сына, наследника; он действительно его сын, но от Клары, которую он соблазнил, когда ей было пятнадцать лет и она работала судомойкой в одном из ресторанов.

Мать рассказывает все это Марку для того, чтобы подготовить его к возможным ударам судьбы. У нее есть сильные опасения, что родители скончавшейся жены Рэйнбоу знают о совершенном подлоге и Марк не получит никакого наследства.

«Ты — молод, одарен, — говорит мать сыну, — ты можешь сам построить свое будущее».

— Это какой-то дикий бред! Мне снится кошмарный сон! — восклицает Марк.

..В комнате, где лицеист кончает с собой, находят скомканное и разорванное его свидетельство о рождении.

Значительную часть книги — если не ее основное содержание — представляют собой раздумья преподавателей Марка, повергнутых в горестное недоумение, ибо им неизвестны причины духовного кризиса, жертвой которого оказывается юноша. Именно эта неизвестность «конкретного» заставляет их как бы встать у доски без мела в пустом классе и задуматься над общими вопросами.

«Марк не сумел пустить прочных корней, — говорит один из них, — потому что